

Существует ли современная молодая поэзия? И как определить, насколько она современная и насколько молодая? Каковы критерии?

Предвижу два варианта ответа.

Первый: поэзия не может быть ни «современной», ни «молодой». Поэзия, как вид искусства, не нуждается в возрастных и временных ограничениях.

Если мы говорим о современности, то это не показатель качества (уровня написанного), а определение (заодно и ограничение) временного отрезка, на протяжении которого развиваются несколько ярких литературных течений и направлений (или появляются оригинальные дарования, поколение одарённых писателей).

Определение это — дело литературоведов в большей степени, чем критиков, и появляется оно, когда проходит время и вырисовываются признаки поэтической эпохи. Пока «лицом к лицу — лица не увидать», то в лучшем случае, можно ждать от литературоведов вот таких «примирительных» выводов: *«Главной особенностью современной поэзии является её огромное многообразие. Она подобна мозаичному полотну, в котором каждая деталь самобытна, имеет свой цвет и форму, но только соединяясь с другими, мелкие фрагменты мозаики создают уникальную картину. Ни об одном из поэтических направлений нельзя сказать, что оно является ведущим и формирует генеральную линию литературы, ни одну поэтическую школу нельзя считать основной. Они разнообразны и непохожи, но у каждой из них есть свои заинтересованные читатели»* (Н. В. Беляева, «Взгляд на современную поэзию»).

Мне эти выводы не кажутся утешительными. Всё равно, если бы современник Александра Пушкина уравнивал его с Владимиром Бенедиктовым, Николая Гоголя с Нестором Кукольниковом, а Льва Толстого, скажем, с Лидией Чарской. В всех у них были «свои заинтересованные читатели», а у Чарской — ещё и поболее, чем у Толстого. Правда, это пример «из прозы», зато наглядный.

Ну а если мы говорим о молодости, то это понятие ещё более сомнительное: достоинство (или недостаток?), который очень быстро проходит. Значит ли это, что через 10—20 лет стихи того или иного автора, ярко начинавшего, перестанут быть стихами, оттого что он уже не «молодой» и не «новый»? Если не будут, то написанное им и не было поэзией.

И второй вариант. Конечно, современная молодая поэзия существует. Но это море, в котором чрезвычайно трудно ориентироваться. Нужно не только художественное чутьё, но и профессиональные «инструменты» (критика), которые позволят

двигаться в правильном направлении к цели. А цель — понять, «дотягивают» ли современные авторы до того уровня, обладая которым они могли бы конкурировать с классиками или с признанными поэтами старшего поколения.

К сожалению, «море» это почти никогда не бывает глубоким (при всей его пространственной необозримости). Слишком много пишущих людей — это основная проблема, проблема количества. Неподготовленный читатель, зайдя на сайт, где публикуются стихи, испытывает лёгкое головокружение. Читает одно, другое стихотворение, не видит особой разницы между авторами, теряется. В лучшем случае находит нечто созвучное своим эмоциям — и принимает это за современную поэзию. Особенно если у автора множество откликов и неимоверное количество прочтений — это работает как реклама.

Поголовная грамотность (даже не грамотность, а всего лишь умение писать) позволяет создавать «что-то в рифму» каждому человеку. Причём никому не приходит в голову, что умение держать ручку в руках, набирать текст на компьютере или смартфоне и умение писать стихи (хотя бы техническое) — абсолютно разные вещи. Для написания стихов необходима такая же техника, как, например, для игры на пианино или для овладения возможностями живописи или рисунка. Но рисуют или играют на музыкальных инструментах не все, а пишут, кажется, уже почти все. Наверное, от одиночества или для психотерапевтического эффекта.

Оставив в стороне тех, кто не владеет техникой на уровне ремесла, мы всё равно получим значительное число способных версификаторов. Они «ухватили» какую-то внешнюю, когда-то понравившуюся им интонацию, чужой ритм, расстановку смыслов, языковые спецэффекты или штампы — и рисуют чужими красками на чужом холсте. Но от таких текстов к читателю не идёт никакой живой энергии. Он может восхищаться вторичными фокусами, словесной эквилибристикой, не понимая её цели. А цель в этом случае — имитация чувства, которого нет. Цель — игра, изображение несуществующего. Подобные авторы в своих текстах ведут себя как новаторы, усвоив чужие приёмы (модернистские, постмодернистские или так называемые «традиционные»), но чистота душевного движения в их стихах утрачена (если она была), и литературной образованности тоже нет, есть полубразованность...

Бесцельность и пустота как определяющие черты в основной массе «новой литературы» меня оченьстораживают. Такое ощущение, что молодой поэт боится быть если не глубоким, то хотя бы искренним. Боится не попасть в мейнстрим. Научившийся, усвоивший современные техники, веяния автор начинает писать грамотно, он публикуется — и в толстых журналах в том числе (его же научили писать так, как надо), но на себя-то он не похож. Он похож на основную массу, на направление.

Выбор поэтических ориентиров у молодых авторов тоже иногда мне кажется странным, эклектичным. На поэтических семинарах молодые авторы называют имена Евтушенко, Вознесенского, и тут же Иосифа Бродского и Юрия Казарина. Ну и Бориса Рыжего, конечно. Но почти никто не вспоминает Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, Николая Тряпкина, более близких по времени поэтов: Николая Зиновьева, Светлану Сырневу, Диану Кан, Александра Нестругина, Евгения Семичева, Сергея Васильева и других, тех, кто по сути и является продолжателями русской литературной традиции.

Такой выбор имён обусловлен, скорее всего, неумением выстроить для себя внутреннюю иерархию. И основная проблема молодой литературы заключается в том, что русская поэтическая традиция современным поколением недостаточно освоена. А ведь это единственное богатство, которое у молодой литературы только и есть.

С моей точки зрения, лучшая часть современной молодой поэзии — это та, которая связана с продолжением русской классической традиции.

В каждом регионе — и мне как литературному редактору приходилось в этом не раз убеждаться — появляются новые, интересные молодые поэты, перспективные в своём творческом росте. Они усваивают, впитывают многообразия русской поэтической традиции, руководствуясь своим вкусом. Они хорошо понимают, что есть столбовая дорога русской поэзии, её основное направление, они выбрали для себя путь и цель. Они литературно образованы и просто талантливы, а это, пожалуй, самое главное.

Молодые поэты пытаются осознать себя во времени, в традиции, понять, что они тоже её «прочное звено» (В. Ф. Ходасевич). Поэтому так много у них стихов о родстве, родственниках, предках. О своём городе, его людях, друзьях. Молодые поэты рисуют, создают свой мир, который читатель может увидеть и представить. Они стараются запечатлеть мгновения прошлого, передать трагизм и глубину человеческой жизни.

В самом деле, о чём ещё может писать поэт? Только о самых главных вещах. О жизни и смерти, о любви. Как трагична жизнь — и как мало поэтов способны передать глубину этого трагизма. И всё же несколько молодых поэтов на эту глубину отваживаются. И их понимание развития и переживания человеческой жизни во времени — показатель творческой зрелости.

Среди молодых поэтов-традиционалистов, которых я знаю уже давно, могу назвать имена **Руслана Кошкина, Марии Знобищевой, Карины Сейдаметовой**.

Стихи **Руслана Кошкина** острохарактерны, их не спутаешь ни с какими другими. Не то чтобы это был специально разработанный, нарочито созданный поэтический язык, но его оригинальность, органичное соединение архаизмов, книжных слов и просторечий, даже жаргонизмов — следствие неординарного мышления с его чётко иерархически выстроенной системой ценностей. Для Руслана Кошкина чёрное — это всегда чёрное, белое — это белое, правда — это правда, ложь, в какие бы одежды она ни рядилась, всегда остаётся ложью, как тьма остаётся тьмою. Свет же не перестаёт быть светом. Потому и одна из книг Руслана Кошкина называется «Свечение». Поэт в ней «высвечивает» главные земные (да и не только земные) истины: «Поиски (...) Света, отделение его от мрака и всякой серости — задача одновременно и творческая, и душевспасительная. И потому так дорого оно — открывающееся и исходящее ли изнутри, подаваемое ли свыше (как шест или верёвка уходящему в полынью, как надежда), благодатное и благостное — свечение», — пишет автор во вступительном слове к сборнику.

О чём прежде всего говорит поэт? О том, чем жив человек, о связи с родным, с почвой.

*Корнями, нитями, наитьями —
держи, родная, взгляд мой острый.
Спасительны, когда пленительны
твои размашистые вёрсты.*

*Ты силой своего воздействия
возносишь сердце к поднебесью.
А почвенность — всегда естественна,
как дух, соединённый с перстью.*

Стихи взвешенные и выстраданные, написанные и умом, и сердцем. Лирический герой в стихах Руслана Кошкина живёт по-настоящему только в том случае, если он принимает родное, если у него есть почва под ногами и ощущение родства с другими людьми — и с Богом.

*Поклонюсь я на четыре ветра,
обмахнусь я знаменным крестом*

*и из жажды Божьего привета
из руин Ему воздвигну дом...*

При этом он себя не теряет, напротив, в тесной связи с родным обретает себя.

*Беспокоиться не изволь:
не пройдут ни печаль ни боль.
Или так: нарядю с судьбой,
всё твоё — навсегда с тобой.*

*И печали, и боль, и крест.
Всё, что было, и всё, что есть.
Всё, что выписано в судьбе,
всё твоё и навек — в тебе...*

Позиция абсолютно чёткая, нравственная, патриотичная. «Привычный к травле и к извету, / и к блиндажу, и к шалашу, / я русский дух по белу свету / благословением ношу...»

В художественном мире Руслана Кошкина присутствует ощущение последних времён. Потому и появляются в стихах образы руин, разрушенного и уничтоженного кладбища, покинутой деревни, «антиутопии» из американского фильма — и рядом образ ангела, возвещающего последние времена.

*Вольготные времена!
На дыбу не взволокут,
не виштопают, где спина,
бубновым тузом лоскут —
за вольных речей угар,
за ересь и кутежи.
Токуй, как в глуши глухарь.
Блажи себе — не тужи.
(...) Какой забубённый век!
Какой разбитной годок!
Но веет голов поверх
нетутошный холодок.*

*Из пропасти голубой
следит некошной крайком
за дольней шальной гурьбой
и ловлю ведёт тайком.
И так этот лов идёт,
что сам не поймёшь: и ты —
казалось, не идиот —
сидишь глухарём в сети.
Какие там рамена —
знай души переминай...
Вольготные времена.
Последние времена?*

Лирический герой Руслана Кошкина упорно ищет смысл бытия, оправдания существованию в мире «жути и красоты» (стихотворение «Явь»). Именно трагичностью поставленных вопросов оно близко к традициям русской классики.

* * *

Похожим путём идёт и **Карина Сейдаметова**. У неё жёсткие, совсем не женские стихи. Но при этом стихи светлые, оптимистичные. В них есть преодоление и трагедии, и печали — большая редкость для стихов молодого автора, несущих особый заряд энергии. При чтении почти физически ощущаешь их зримость и яркость. Живопись словом и гибкость интонации, осязаемая живость — жизненность — сказанного становятся несомненными достоинствами стихов Карины Сейдаметовой.

Пространство Отечества, смена времён года, народные праздники, движение стихий — и движения человеческого сердца — всё это впитывает её поэтическая интонация. Ключевым становится понятие родства. Тема родины и родства, связи поколений, корней — это самое главное у неё. При этом семейная сага вписана в историю — и старинную, и современную.

*Край наследный мой — мир соколиный,
Мой нежданно-нагаданный рай.
Домик в листьях отцветшей малины,
Блик остатнего солнца вбирай!
Может, мнится мне, как барабанят*

*По залатанной кровле дожди
Иль меня окликает бабана
Дробным сердцебиеньем в груди?..
Иль туман-атаман Стенька Разин
Снова губит княжну на реке?*

*Край соколий, не чувствуешь разве,
То заря-кровяница в строке
Иль студёная Волга-водица
Всё целует заплаканный клён?..
Ночью что только нам не приснится!*

*Тихий мой новорождённый сон...
Новокуйбышев. Бабушка Анна.
Душный август... Прости-прощевай,
Край охранный мой, обетованный,
Вспоминай обо мне, вспоминай!..*

Читатель невольно обращает внимание на язык её стихов. Красивый, в чём-то даже орнаментальный, он сохраняет редкие русские слова (и это прекрасно, ведь литература и должна сохранять богатство языка). Даёт эффект усложнённости, кружева словесного — и в этой тяге к красоте проявляется в стихах женское начало.

*Чем грустнее родная сторонюшка,
Тем к ней бережней наша любовь...
А пойдём закликать жаворонушек —
Явь столетий, крылатую новь.
Мы веснянку поём, но весна ещё
Не спешит на сторонку мою.
Лишь одни воробышки всезнающе
Хороводятся в здешнем краю.*

*Погоди, скорым-скоро в проталинках
Расшалится марток-зимобор,
А пока все бока о завалинку
Лютень, снежный котейко, обтёр,
Через причеты и выкликания
Растолкнётся весна у ворот
И залички, заплачки, предания
Проёт нам, споёт нам, шепнёт...*

* * *

Внимание к русскому слову, сбережение его — именно то, чего так в молодёжной поэзии не хватает сейчас. И когда видишь, что поэт ощущает родное слово как огромную вселенную, пробует неизмеримые его возможности, всегда становится отрадно. Наверное, ни у кого из молодых поэтов это свойство (свойство русской традиции) не выражено так ярко, как у **Марии Знобищевой**, поэта из Тамбова. Стихи Марии Знобищевой хороши своей абсолютной естественностью, — и в то же время уверенным мастерством. Когда читаешь их, не задумываешься ни о каких «технических» вещах, понимаешь, что это поэзия в чистом виде.

Ну а если всё же говорить о мастерстве, как о свойстве естественном, врождённом, то в стихах Марии оно сказывается именно на уровне слова — и из слова органично вырастает. Да, есть поэты, которые идут от интонации, от строки, от фразы. И есть те, которые идут от слова. Оно становится «зерном», основой стихотворения. Вот так и у Марии Знобищевой.

*Этот воздух пронизан —
Навылет, насквозь —
Голубыми капризными
Звонами звёзд...*

Или:

*Взмах махаона, крик стрижа, дыханье прерий,
И мускус уст, и ладан роц, и запах тмина...*

Любое перечисление не кажется случайным, точная звукопись надёжно связывает строку.

*Кисло-сладкая сказка финского языка.
Волглых гласных клюквенная округлость*

*И согласных ласковая упругость.
Лепет летнего колоска.*

Слово, точно передающее суть, в содружестве с другими словами создаёт мир, стремящийся к гармонии. Гармоническое устройство мира, ощущение космической связи всего со всем сказывается в стихотворениях «Предновогоднее», «Со звездой», «Неприличие счастья», «В слегка надтреснутую амфору апреля...».

Иной раз кажется, что стихотворение сотворено «из ничего», из воздуха, из мимолётного ощущения — но даже в таком творении есть лирический, любовный сюжет:

*Постой! Тут не до мастерства.
Мне надо подобрать слова.
Ну, эти: двор, трава, дрова,
Вода, деревья, синева...*

*Не стану их перебирать,
Мне б только взять — и подобрать,
Омыть прохладой дождевой
И вместе с ними стать живой.*

Лёгкость письма, даруемая любовью, — наверное, главная черта поэзии Марии Знобищевой. Поэзии мудрой, в которой за игрой образов и слов кроется понимание жизни. Быть может, потому человеку, читающему стихи Марии Знобищевой и буквально напитывающемуся их светлой энергией, становится легко — жить, любить, прощать, понимать ближнего и дальнего.

*Бывает так: какой-то пойман ток —
И чувствуешь, себя не замечая,
Как дышит стель, как тёпел лепесток
Задетого случайно иван-чая...*

*Растёт ли стебель, плачет ли дитя,
Старик ли тихий выйдет за калитку —*

*Случайно пойман ток, и ты в сетях,
Как будто кто сквозь сердце тянет нитку...*

*И вот, когда терпеть уже нельзя,
Сорвётся сердце вслед за этим шквалом —
Всем небом, опрокинутым в глаза,
И поездом — по сумасшедшим шпалам.*

* * *

Поэтическое слово — это прежде всего возможность диалога, разговора с читателем. Естественная обращённость к собеседнику может и не требовать особенных образных строк, которые легко было бы вырвать из контекста и процитировать. Доверительность и человечность — то, что нужно, чтобы человек откликнулся. И поэтому всё, что поэт говорит — это свидетельство его жизни, его времени и обращённость, «ток» (образ из стихотворения Марии Знобищевой), проходящий через жизнь современника.

Обязательные образы детства в стихах **Григория Шувалова**, чётко обозначенные приметы времени, и отношение автора к тому времени, к самому себе — это воспринимается не как стихотворная публицистика, а как желание автора осмыслить прошлое, которое мы все потеряли, и понять, что всё-таки осталось, что мы вынесли из той, советской эпохи. И перед читателем предстаёт современник, прошедший испытания и искусства времени постсоветского, формировавшийся в эпоху смуты и свободы 90-х годов прошлого века. Это и поэтическое, и историческое свидетельство, честное, высказанное прямолинейно. Без желания встать в позу и выглядеть несчастным, обделённым или обиженным.

Стихи Григория Шувалова целенаправленно спроецированы на прошлое. Без осмысления прошлого для него нет понимания настоящего. Поэтому каждое произведение его — это лирическое путешествие в прошлое. И если он даже фиксирует

настоящее в стихотворении, и проявляется поэзия мгновения, то всегда она опирается на осознание жизненного пути целиком.

*И иду я, дорогой влеком,
Открестясь от унынья и грусти.
Эта жизнь нам далась нелегко,
И легко мы её не отпустим.*

Эти стихи человечны, просты и ясны. Они логически выстроены как формулировки, как заключения (иногда безапелляционные, что вредит, но даже в некоторой их упрощённости и наивности есть своя «изюминка»). Стихи Шувалова хорошо воспринимаются и сразу запоминаются — а это немаловажное достоинство на фоне большинства аморфных и «неорганизованных» стихов.

Его стихи выстроены логично, сюжетно, это лирический разговор с читателем. И, я думаю, читатель оценит и чёткий, со всеми оттенками, поэтический язык, и знание классики ради органичного продолжения живой традиции.

*Мне повезло, дела мои неплохи,
я на ногах уверенно стою,
и поздний яд сомнительной эпохи
ещё не тронул молодость мою.*

*Ещё горит в груди огонь желанья,
И я не сожалею ни о чём —
Я испытал любовь и расставанье,
И смерть стояла за моим плечом.*

* * *

Стихи **Ивана Александровского** скорее обращены к своему внутреннему «я», они более закрыты и сдержанны, чем стихи Григория Шувалова. Лирический герой Ивана Александровского сочувственно относится к окружающим его людям, вообще ко всему живому. И для него тоже необходима и важна связь с прошлым. Но здесь это не привязанное к эпохе «советское» детство, а скорее — просто детство городского человека с живописными приметами времени, своей детской «мифологией», особым фокусом зрения — одновременно и ребёнка, и повзрослевшего лирического героя. Особенность многих стихов Ивана Александровского — мастерское совмещение прошлого и настоящего.

*Мы ходили за околицу,
за околицей — дракон,
на скамейке дядьки молятся
под стаканый перезвон,
их завидев, бабки крестятся
на пустые рукава,*

*время вниз идёт по лестнице,
как солдатская вдова.
Вниз, под улицу Вавилова,
Там, где райвоенкомат,
где на стеночке акриловый
улыбается солдат.*

Иван Александровский работает в своих стихах на дисгармонии человеческого мироощущения, внутренней воли и свободы. И хотя его поэзия может показаться сдержанной и холодноватой, на самом деле она исполнена внутреннего напряжения.

Человечное, доброе отношение к жизни («повезло мне, жизнь, с тобой»), когда себя лирический герой не жалеет особо, не заикливается на собственных переживаниях, не ставит это в центр стихотворения, но и не «убирает» из стихов. Он здесь, он живёт и сочувствует. Он рисует не только портреты предыдущих поколений, но и свой «непарадный портрет»:

*Вы словно большая семья,
Где каждый другому любезен.
Примите меня, если я
Могу быть хоть чем-то полезен.*

*Пускай я зелёный пока,
Вы в братство своё боевое
Примите хоть сыном полка
В конце бесконечного строя.*

* * *

В стихах **Дарьи Ильговой**, выпускницы Литературного института, уже публиковавшейся в «Аргамак», есть гармоническая цельность. Настоящее и прошлое для неё — это когда одно перетекает в другое. Вырисовывается идея бессмертия, пугающая и притягивающая, художественная и прекрасная.

*Летим и замираем перед краем —
У пропасти, где не нащупать дна.
Нет на земле ни ада и ни рая —*

*Поэзия и музыка одна.
Как жаль, что мы судьбу не выбираем.
Как жаль, что выбирает нас она.*

Поэтический герой Дарьи Ильговой — человек, счастливый тем, что принадлежит жизни — не осмысляя специально историю, прошлое, он крепко привязан к реальности своей наблюдательностью, самой принадлежностью к бытию.

Гармония этих стихов сказывается в их музыкальной тональности. Но иногда вдруг происходит сбой, и разговорная фраза — живая — вторгается в созданное.

*Под лай дворняг докуришь, осторожно
Пойдёшь вперёд, ругаясь так и сяк.
В ночи морозной, железнодорожной
Тебя проводит чёрный товарняк.*

*На станции, где даже нет вокзала, —
Дыра такая, господи прости, —
Вновь сходятся и вновь берут начало
Надежды непутёвые пути.*

Но эта «устность речи», её естественность вписывается в поэтическую напевность. И то, что стихи неволью складываются в циклы, в книги — говорит о цельности мировосприятия, о некоем гармоничном круге, который музыкой преодолевает трагедию бытия.

* * *

«Улица Бога» — неожиданное, запоминающееся название стихотворения. Автор его — **Дмитрий Ханин**.

*...а я бы назвал эту улицу — улицей Бога.
Хоть ангелов, даже на Пасху, пока не встречал.
Здесь церковь снесли, а пивная — грешна и убога.
Но первый фонарь от угла — как начало начал.*

*...и я бы развесил таблички — «Вот улица Бога».
Пусть редким проходим не так будет страшно идти...
Пусть между акаций священной станет дорога
И каждый бредущий почувствует ценность пути...*

*А если в безумье отвергну наивность прогулок,
То в паре кварталов отсюда куплю себе дом
И жизнь проведу, ощущая, что мой переулочек
На улицу Бога выходит последним окном...*

Открыла я для себя Дмитрия Ханина совсем недавно. Его отличает от большинства молодых авторов точная интонация, уверенный нравственный камертон...

*Позволь, Господь, мне быть негладким,
Но упаси — в часы обид
Стать камнем, поднятым с брусчатки,*

Который в Родину летит.

В его стихах много размаха, много воздуха. Стихи словно бы парят над обыденным миром. Дмитрий Ханин возвращает нас к тому, что было в литературе всегда: к истокам, к детству.

*Если злобой мир окован
И снега гнетут судьбу,
Я иду к стихам Рубцова,
Словно в мудрую избу.*

*Там уютно, как в апреле,
Хоть из окон светит грусть...
Я вернусь потом к метели,
Но другим уже вернусь...*

* * *

Разумеется, современная молодая поэзия не исчерпывается теми именами, о которых я рассказала. Я всегда рада читать новые, живые и честные стихи молодых поэтов, которые при всех недостатках своих — и авторских поисках — стремятся к прояснению сущности современного человека. На молодёжных семинарах и форумах всегда были перспективные стихотворцы, но большинство из них всё-таки в процессе роста. Мне интересно, как будут творчески развиваться Александр Тихонов, Александр Рухлов, Павел Великжанин, Александр Лошкарёв, Василий Нацентов, Елена Жамбалова. Интересно, как переплавляются традиции и влияния в стихах молодых авторов с их собственным жизненным опытом, с чистой душевной движением, с сочувствием к другому человеку. За их стихами я вижу «внутреннего человека», опыт гармонизации современности, объединения временных пластов. Вижу я и влияние старших современников. И это прекрасно, что у молодых есть учителя, есть живой источник поэтического слова. Традиция не прерывается.

